

Это было всего лишь мимолетное, едва заметное проявление нежности, полуфразы, которую даже ласковой просьбой не назовёшь. Но в исполнении Цзян Цзяньмина этого хватило, чтобы заставить наследного принца без боя сложить оружие.

— Конечно.

Хотя наступила ночь и свет в палате был приглушен, Цзян Цзяньмин все еще отчетливо видел пылкий взгляд маленького наследника трона:

— В таких мелочах не нужно спрашивать. Просто скажи, чего ты хочешь, и этого достаточно.

Только что он хмурился, а теперь от его недовольства не осталось и следа. Цзян Цзяньмин мысленно отметил, что Лайану, похоже, и правда очень нравилось, когда к нему обращались с просьбами.

Обычно у людей все происходило наоборот. Они радовались, когда получали подарки, и огорчались, когда от них постоянно чего-то требовали; раздражались, когда их отвлекали от важных дел, и испытывали благодарность только при получении помощи.

Именно поэтому на любовных форумах академии то и дело появлялись подобные темы: «Мы встречаемся три года, а парень никогда сам не тратит на меня деньги» или «Девушка слишком холодна, стоит ли расставаться?»...

Он понимал, что проецировать отношения влюбленной пары на себя и наследного принца было несколько нелепо. Но фактически в последнее время каждый раз, когда он наткался на форумах на подобные сплетни, он невольно ставил себя на их место.

Более того, иногда всплывали рекламные баннеры с заголовками в духе «Принц Империи балует и лелеет...».

— Почему ты замолчал? — Лайан вдруг протянул руку, собираясь коснуться его лба. — Где-то еще болит?

Цзян Цзяньмин пришел в себя и уже собирался ответить «нет», как вдруг заметил, что ладонь Лайана резко замерла.

Все-таки он принадлежал к императорской семье, наследный принц привык поступать исключительно по своему усмотрению. Даже если он не вкладывал в это особого смысла, в его жестах и поведении легко проявлялись замашки высокопоставленного лица. Но Цзян Цзяньмину это не нравилось. Он уже говорил ему, что нельзя вести себя столь деспотично, и Лайан это запомнил.

Поэтому сейчас Лайан поджал губы и сначала серьезно произнес:

— Не двигайся, я проверю, есть ли у тебя еще жар.

Затем он кончиками пальцев аккуратно убрал упавшие на лицо Цзян Цзяньмина пряди волос, и, убедившись, что тот не возражает, медленно опустил ладонь ему на лоб.

— О чем ты думаешь? — спросил Лайан.

«...О тебе».

Взгляд Цзян Цзяньмина дрогнул, он проглотил это слово, которое едва не сорвалось с губ.

«Я думаю о тебе и о том, что ты думаешь обо мне. Я думаю о наших отношениях и о том, как ты сам к ним относишься».

«Я думаю о том, какое место мне следует занять, если я продолжу сближаться с тобой».

«Ты никогда об этом не задумываешься, поэтому, конечно, думать приходится мне».

Курсант сжимал уголок одеяла. Со сдержанным видом он поднял глаза на капельницу, и никто не мог узнать, что в глубине его души бушевали волны.

— Я думаю о том, не пора ли позвать медсестру, чтобы вытащить иглу.

...

На самом деле, учитывая характер Цзян Цзяньмина, раз уж он чувствовал, что силы восстановились, ему не очень хотелось оставаться в больнице на ночь.

Однако из-за того, что лихорадка еще не полностью прошла, а рядом не было никого, кто мог бы о нем позаботиться, Лайан настоял на том, чтобы он остался под наблюдением на одну ночь.

Поэтому они заказали доставку еды. Цзян Цзяньмин выбрал ужин для себя, а также заказал порцию для Лайана. За то время, что они провели вместе, он уже успел изучить вкусы собеседника.

Лайан стоял рядом и следил за его действиями. Когда заказ был оформлен и открылась страница оплаты, он перехватил запястье Цзян Цзяньмина:

— Я сам.

Цзян Цзяньмин не стал ему потакать и сразу нажал кнопку оплаты:

— Я еще не настолько обнищал, чтобы не иметь возможности оплатить один ужин. Ваше Высочество сегодня так помог мне, неужели я не должен угостить вас ужином?

Лайан тут же помрачнел, не отрывая взгляда от страницы с успешно оформленным заказом. Казалось, он упустил не просто возможность оплатить счет, а какое-то редчайшее сокровище.

С тех пор как он познакомился с Цзян Цзяньмином, в его душе словно образовалась бездонная дыра. Ему всегда казалось, что он дает недостаточно, знает слишком мало, а их отношения еще недостаточно близки...

Он мелочился и постоянно все обдумывал. На самом деле он знал, что Цзян Цзяньмин тоже старался идти ему навстречу. Но эта дыра требовала все больше и больше.

Еду доставили. Цзян Цзяньмин накинул одежду и поднялся, после чего они сели друг напротив друга за маленький столик.

Лайан разложил еду и передал ему приборы. Вдруг он поднял глаза и ошеломил его заявлением:

— Цзян, на следующих каникулах приезжай жить в Белый нефритовый дворец, я буду заботиться о тебе.

Пальцы Цзян Цзяньмина дрогнули, и палочки со стуком ударились о край пиалы.

Он чуть было не спросил, в каком статусе тот собирается привести простолюдина во дворец. Однако его кадык дернулся, и он сдержался.

Заметив перемену в его лице, Лайан тут же добавил:

— Во дворце на самом деле мало людей, в основном работают роботы. Там очень тихо, и удобно учиться. Если ты не хочешь никого видеть, я гарантирую, никто не узнает, что ты там жил. А если захочешь, можешь пойти со мной к императрице, я отведу тебя посмотреть на Корону Золотого Рассвета.

— К тому же я тоже один во дворце, сверстников нет, и обычно императрица не особо меня контролирует...

Наследный принц никогда раньше не говорил подобных слов, демонстрирующих слабость. К тому же он немного волновался, поэтому его речь звучала сбивчиво:

— Обычно домашних заданий очень много, и, если я захожу в тупик, мне даже не с кем это обсудить. Если бы ты мог...

Цзян Цзяньмин посмотрел на него со сложным выражением лица.

Лайан почувствовал, что шанс есть. Решив идти до конца, он достал из-за пазухи чип-бокс и без лишних слов вложил его в руку Цзян Цзяньмина:

— Например, вот этот анализ видеозаписи боя, не мог бы ты помочь мне взглянуть на него?

Цзян Цзяньмин: «...»

Взгляд наследного принца был слишком горячим, а приманка — слишком очевидной. Крючок был прямым, а наживка — соленой, и Цзян Цзяньмин чувствовал себя безмолвной рыбой.

Он оказался в затруднительном положении. Проглотить наживку было бы слишком глупо, а не глотать — жаль расстраивать маленькое высочество. Задача оказалась крайне непростой.

— Вот как? — Цзян Цзяньмин беспомощно улыбнулся, забрал чип-бокс и убрал его в боковой карман своего рюкзака. — Если нужно просто написать анализ, можно было просто созвониться по голосовой связи.

Лайан:

— Во дворце есть демонстрационное оборудование и симуляторы боевых машин...

Цзян Цзяньмин:

— В военной академии они у меня тоже есть.

Лайан раздосадованно замолчал.

Он опустил голову и посмотрел на белоснежный, мягкий десерт в своей пиале — это были рисовые шарики таньюань, которые специально заказал Цзян Цзяньмин. Пытаясь продолжить разговор, он спросил:

— Тебе нравится сладкое?

— Не то чтобы это было особым предпочтением, просто в детстве отец часто готовил мне десерты.

— Вообще-то, послеобеденный чай в Белонефритовом дворце...

— Стоп, хватит. Давайте сначала поедим...

Неохотно отправляя таньюань в рот, Лайан поймал себя на странной мысли.

Таньюань — этот сладкий десерт, белый снаружи и темный внутри, простой, без лишних украшений. Погруженный в прозрачный сладкий отвар, он казался ещё чище... В каком-то смысле он действительно очень напоминал Цзян Цзяньмина.

Лайан отстраненно уставился на шарик в пиале, и край ложки оставил след на мягком рисовом тесте.

Он приложил еще немного усилий, оболочка таньюаня прорезалась, и наружу тут же вытекла сладкая черная кунжутная начинка.

Наследный принц так погрузился в свои причудливые метафоры, что в его душе внезапно зародилась беспричинная паника.

Он смотрел, как кунжутная начинка течет наружу, растворяясь в сиропе, а мягкая белая оболочка жалобно оседает.

Лайан вздрогнул, быстро прикрыл ложкой проделанный им же разрез и, не смея даже смотреть, ухватил таньюань и проглотил его целиком.

Когда он снова поднял голову, Цзян Цзяньмин смотрел на него с недоумением.

Казалось, еще мгновение — и над его головой появится вопросительный знак.

— Ваше высочество, это...

«В вашей пиале ведь никто у вас ничего не отбирает, зачем вы сами с собой боретесь?»

«Или вы так злитесь на этот несчастный таньюань только потому, что я отказываюсь приезжать во дворец?»

Кончики ушей Лайана слегка покраснели: «...»

Если бы они были ближе или уже состояли в отношениях, возможно, принц последовал бы зову сердца и с самым серьезным видом понес бы несусветную чушь: «Я просто подумал, что ты очень похож на этот шарик. Я вскрыл твое сердце, но увидел, что ты вот-вот испортишься, и мне стало жаль. Поэтому я поспешил съесть тебя, чтобы успокоиться».

Но нынешний наследный принц еще не умел с серьезным видом нести чушь. Он лишь поджал губы и уставился на Цзян Цзяньмина, пытаясь замять ситуацию.

Сидящий напротив курсант не выдержал, прижал кулак к губам и тихо, сдавленно рассмеялся.

Он переложил последний оставшийся у него таньюань в пиалу наследного принца:

— Если нравится, съешь еще один.

«...Цзян захотел поделиться с ним едой, которую уже начал есть сам, да еще и перенес ее приборами, которыми пользовался!»

Лайан снова втайне возликовал, в одностороннем порядке решив, что это явный признак значительного скачка в уровне близости, и поспешил с радостью принять угощение.

Цзян Цзяньмин смотрел на него с полуулыбкой, думая, что маленькое высочество и впрямь очень мил.

Мог ли он до знакомства подумать, что юный наследник престола, на которого все ежедневно взирали с благоговением на торжественных мероприятиях, в частной жизни окажется настолько живым?

— Насчет дворца...

Он намеренно потянул время и, увидев, как Лайан напрягся, договорил:

— Я подумаю.

Лайан: «!»

Этого было более чем достаточно. Лайан обрадовался так, что не знал, куда себя деть. Забыв про еду, он схватил наручный коммуникатор и заявил, что сейчас же все организует.

У Цзян Цзяньмина поползли мурашки по коже. Он взглянул на время — было уже восемь часов вечера. Опасаясь, что Лайан прямо сейчас свяжется с императрицей, он поспешно удержал его:

— Подожди, в ближайшие дни нельзя, категорически нельзя! У меня еще экзамены...

— Ты болен, тебе нельзя перенапрягаться.

— Мне осталось повторить совсем немного, самую малость.

Лайан не смог его переупрямить и был вынужден уступить:

— Тогда скажи, что тебе нужно повторить. Перед сном я прочитаю тебе это несколько раз, и ты все запомнишь.

Когда Цзян Цзяньмин закончил умываться и лег в постель, Лайан действительно взял оптический компьютер и принялся методично, монотонным голосом зачитывать сухие формулировки.

У маленького высочества был очень красивый голос, который идеально подходил для величественных речей или чтения элегантных стихов, но никак не для подобного занятия.

Цзян Цзяньмин невольно почувствовал уколы совести из-за того, что так нерационально использовал чужой талант, и подумал: «Я снова трачу его время».

Но на этот раз он не стал его останавливать. Цзян Цзяньмин закрыл глаза и просто тихо слушал.

В голову уже ничего не лезло. Сердце опутали другие чувства, лёгкие и назойливые, не дававшие покоя.

Засыпая, Цзян Цзяньмин мысленно произнес: «Это он сам сказал, что больше всего хочет быть рядом со мной. Он сам этого захотел».

Через некоторое время свет в палате приглушили. Мягкое одеяло поправили, тщательно подоткнув его со всех сторон. Голос Лайана казался то далеким, то близким, но он звучал непрерывно, пока курсант не погрузился в глубокий сон.

В эту ночь Цзян Цзяньмин спал очень крепко. И лишь под утро, когда первые лучи рассвета рассеяли ночную тьму, ему начали сниться обрывки снов.

В этих снах был юноша с платиновыми кудрями и буйно цветущие во дворце золотые розы.

<http://bllate.org/book/18346/2132268>